

Александр Кирнос

Адамов и Ева

Рассказ

Ну не мог Сергей просить прощения, никогда и ни у кого не мог. Особенно когда был виноват. Более того, человеческая обидчивость вначале изумляла его, потом раздражала, потом доводила до бешенства, и в этом состоянии он обычно брал две штуки «Московской» и, содрав зубами бескозырку с одной из них, раскручивал бутылку и винтом всаживал в глотку бесцветное содержимое. Выдохнув и размяв в жестких наждачных пальцах гвоздик «Кэмел», раскуривал и, уже несколько успокоившись, наполнял раритетный семнадцатигранный стакан водкой из второй бутылки и выпивал медленными глотками, пристально вглядываясь во что-то такое, что видел только он. Затем, заткнув горлышко газетным пыжом и сунув бутылку в карман куртки, на трамвае добирался до бокового входа в любимый парк и медленно шел на площадку тихих игр.

Главное — не торопиться. Он знал, что волны гнева, поднявшиеся в душе из-за неправильного устройства мира, могут выплеснуться внезапно и обрушиться на первого попавшегося невинного человека. Хотя нет, совсем невинных людей не могло быть по определению. Кто в этом виноват — Адам, Ева, змей или сам Гончар? — за давностью лет и из-за зыбкости метафорического пространства бессмертного мифа разобраться не удавалось, но то, что все люди с подлинкой, — он знал достоверно с того самого дня, когда, выйдя из банкетного зала на веранду в поисках Евы, увидел ее со своим ближайшим другом Абелевым. Ева, стоя перед Абелевым, что-то ему страстно говорила, и голос ее вибрировал так, что у Адамова закружилась голова, и тяжелая удушливая тоска захлестнула сердце, оно вначале замерло, а потом, сорвавшись с ритма, заскакало в бешеном галопе.

«Ничего не изменилось за тысячи лет существования этого дурацкого мира, ничего», — думал Адамов, глядя на нежно-зеленое с едва заметной детской желтизной марево, плывущее за решеткой парка. «Никогда ни в чем нельзя быть уверенным, ни тогда, ни теперь, как вы считаете?» — ошарашил он внезапным вопросом юную парочку, шедшую навстречу по седьмому лучевому просеку.

Светловолосая девица, похожая на Еву, прыснула, а парень остановился и внимательным долгим взглядом посмотрел на Адамова. Внезапно (у него и раньше

Кирнос Александр Ефимович — врач, писатель, общественный деятель. Родился в Чувашии, окончил Военно-медицинскую Академию и почти 30 лет прослужил в Вооруженных силах, был ведущим хирургом госпиталя. Автор книг стихов и прозы, в том числе «Я проснусь однажды старым» (2014) и «Хроника авиационного гарнизона» (2017). Живет в Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

бывали такие состояния, когда он выпадал из реальности, и немногочисленные друзья, которые привыкли к этой его особенности, уже не крутили пальцем у виска, а просто терпеливо ждали его возвращения из очередной, как они шутили, командировки) он почувствовал себя Адамом, единственным человеком на земле, нет, не той, что была безвидна и пуста, ведь позади осталась бездна времени с того момента, когда Создатель закрутил этот волчок, шел шестой день творения. И уже было создано все, кроме Евы, и он сам, только что вылепленный Гончаром из праха земного, обретший бессмертную душу, обнаженный, в совершенном великолепии своих двадцати лет лежал на голой земле, изнывающей от жажды, и слышал, как она просит, молит, умоляет: пить, пить, пить.

Адамов очнулся у Серебряного пруда, он лежал на влажной, поблескивающей вечерней росой траве. Нашупав в кармане початую бутылку, он вытащил ее, сделал глоток и снова провалился в тот, теперь уже далекий, шестой день творения. Да, первое, что он сделал, когда ощутил жажду, лежа ничком на растрескавшейся земле, самое первое — он перевернулся на спину и попросил: «Господи, сотвори дождь!» И благодатный дождь обрушился на землю, и она зазеленела и покрылась травами и цветами, и побеги кустов набухли почками и взорвались облачками листьев, и прохладный ветер зашелестел ими в саду.

А потом к нему подводили животных, и он рассказывал Еве, как их зовут, и что удивительно, услышав имя животного, она сразу постигала его суть, и каждое удачное название, а неудачных не было, завершалось поцелуем, и каждый ее поцелуй был слаще мирры и вина.

Тогда, в первой их совместной командировке в Берлин, они, едва забросив вещи в гостиничный номер на Курфюрстендамм, побежали в зоопарк и зачарованно бродили по его аллеям, и долго не могли оторваться от обезьяньего вольера, где самка лори то прогоняла ухаживавшего за ней самца, а то, когда, отчаявшись, он уходил в другой угол, разваливалась в бесстыдной позе кокотки, делая вид, что он ее совсем не интересуется, но искоса поглядывала на него, пока тот снова не приближался. А потом все повторялось снова и снова. И Ева, копируя Лилит, так они сразу, не стовариваясь, называли самку лори, также отворачивалась от него, а потом, не выдержав, смеялась, по-деревенски прикрывая рот ладошкой, и он тоже заходил от смеха. Они убежали в боковую аллею и целовались, не обращая внимания на солидные семейные пары, да и те будто бы не замечали их, а может, действительно не замечали, ведь рядом, на полянах Тиргартена загорали обнаженные мужчины и женщины; и, наверное, это было бы совсем похоже на Эдем, если бы чуть дальше, почти в центре Берлина, не было страшного напоминания о недавней войне и Холокосте. Когда на следующий день они проходили мимо мемориала, лицо у Евы застыло, она замолчала посередине фразы, а потом, с неожиданной силой взяв его за руку, быстро пошла назад.

— Что с тобой? — удивился Адамов, но она, ничего не ответив, только пристально посмотрела на него.

До встречи с Евой он искренне считал, что любить не умеет, и не сожалел об этом. Зато умел дружить, и его ближайший друг Абелев с тайной тревогой подшучивал, что когда-нибудь Бог накажет Адамова за пренебрежение основной заповедью. Хотя нет, говоря, что не умеет любить, он, конечно, лукавил, иначе как можно было определить то чувство беспредельной нежности и восторга, которое он испытывал, слушая Гончарова — худенького, с птичьим профилем старичка, розовую лысину которого окаймлял редкий седой пушок, а выцветшие голубые глаза видели столько, что хватило бы и на тысячу жизней.

Адамов очнулся от забытья, вытащил пыж и снова отхлебнул из бутылки. По правде говоря, он не помнил, когда в его жизни появилась Ева. Помнил только, что в очередную пятницу когда они, как всегда после работы, собрались у Гончарова на «разбор полетов», он впервые попробовал странный напиток, привезенный кем-то из

Мексики, и заснул, а скорее — опрокинулся в морок, а когда пришел в себя, то ощутил утрату чего-то неизмеримо важного; он лежал с закрытыми глазами и не мог понять, что за утрата... и вдруг — догадка, прозрение: мир вокруг перестал ощущаться цельным, потеряно чувство той незримой гармонии, которая до этого наполняла его. И только увидев Еву и уловив ее запах, он начал догадываться, что произошло. Эта рыжеволосая женщина с дымчатыми зелеными глазами, с которой он не единожды встречался в разных компаниях, мимоходом обмениваясь «здравствуй — до свидания», неожиданно стала для него самым главным в жизни. Любимая наука и друзья, и байдарочные походы, и переполнявшие восторгом горы, и даже зеркало Ушбы, о покорении которого он мечтал, отодвинулись куда-то далеко-далеко, и теперь ничто не будет иметь значения, пока он не станет единым целым с Евой.

Она всё схватывала на лету, особенно то, что касалось его отношений с сослуживцами и друзьями. Ей не требовалось ничего объяснять, и еще задолго до болезненного, стоившего ему первой седой пряди разрыва с Абелевым, она сказала, что они разойдутся, как в море корабли. Он не поверил и впервые за их тогда еще недолгую семейную жизнь накричал. Он кричал, что она ничего не смыслит в мужской дружбе и не смеет говорить такое; и чем громче он кричал, тем отрешенней становилось лицо Евы, и отблеск далекого непостижимого знания появлялся в ее глазах, и он, он — бесстрашный альпинист, «снежный барс», как называли его друзья, — выскакивал в коридор и судорожно выталкивал из себя сигаретный дым, скрывая за его завесой свой страх и свою беспомощность перед будущим.

И главная беда Адамова была в том — он сразу понял это, — что Ева стала не его половинкой, а самой потаенной сердцевинкой его существа, почему-то отделенной от него и обретшей самостоятельность.

Он впервые задумался над ускользающим смыслом того, что до сих пор казалось ему прекрасной сказкой, о таинственном союзе Адама и Евы и о том, что Всевышний заповедал им стать единой плотью. Раньше он не видел в этом никакой тайны, подумаешь, очевидное-невероятное: смешали хромосомы, произвели на свет ребенка и стали единым целым в своем ребенке, а потом в другом, а после то же самое может произойти у него с другой женщиной, а у этой женщины — с любым другим мужчиной. И сказка про две половинки одной души, обреченные скитаться в поисках друг друга, греческая ли сказка о прекрасном Гермафродите, еврейская ли — о первочеловеке Адаме — всего лишь сказки, которые придумали люди, тоскующие по самодостаточности. Кого же обвинять в несовершенстве человеческой природы, как не Бога, испугавшегося, что человек со временем станет таким же могущественным, как и сам Бог, и обрекшего человека на пожизненные поиски самого себя.

Родители Адамова рано развелись и образовали новые семьи, у него были братья и сестры с разных сторон. Новые семьи общались между собой без видимого напряжения и периодически (оба родителя были геологами) подкидывали детей друг другу, но только Адамов был их общим ребенком, и только он испытывал в детстве мучительную раздвоенность, не умея примириться с двойным комплектом пап и мам.

Нельзя сказать, что до Евы он не встречался с женщинами. Адамов — высок и широкоплеч, с мужественным, обожженным горным солнцем лицом, и кратковременные романы возникали и обрывались, не оставляя в душе следа.

А Ева, она действительно была его частью, зачем-то отторгнутой от него Создателем, и вовсе не из его ребра создана. Усыпив его, Создатель не только тело, но и душу его рассек тогда пополам, и постоянная тоска, которую он ощущал до Евы и не мог никому объяснить — та самая тоска, которая гнала его через стылую тайгу, лысые горы Памира и безжизненные пустыни Заполярья — была изначальным отголоском этой потери. Первое время рядом с Евой он не мог заснуть, боялся, что, проснувшись, не обнаружит ее рядом, она исчезнет, как мираж, и он снова впадет в морок безнадежной тоски.

Гончаров долго и внимательно присматривался к Адамову и Абелеву. И они видели, как он стареет, и понимали, насколько мучительно ему было в этом признаваться самому себе. Конечно, Гончаров чувствовал, что пора сделать выбор и передать кому-то из них отдел, но сдаваться не хотел и, приближая к себе то одного, то другого, осознанно дергал за ниточки привязанностей, хотя Адамов давно понимал, что вся нудятина с проектами и переговоры с сильными мира сего, и представительства на ученых советах ему и даром не нужны. Больше всего на свете он любил странствовать по горам, пустыням и тайге, пастухом родился, а не земледельцем, и само собой выходило, что отдел после Гончарова должен принять Абелев.

— Ты долго будешь смотреть в рот Абелеву? — спросила Ева после международной конференции, на которой их совместный доклад произвел сенсацию, и все поздравляли их, а Гончаров, пожав обоим руки, потом надолго уединился в своем кабинете с Абелевым.

— Ты же вложил в эту работу не меньше, чем он, и сама идея, и полевые исследования — все это твое, а ты, как лох, все время держишься в тени, он и докторскую на твоих костях скоро защитит, а ты и кандидатскую пока не оформил.

Адамов слабо отбивался, говоря, что кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево, но она замолчала, со спокойным презрением посмотрела на него и ушла.

Что-то холодное и скользкое впервые шевельнулось у него в груди. Он и раньше не очень доверял случаю, соединившему его с Евой, хоть и хорохорился и не показывал вида, но заранее был готов к поражению — к тому, что ему не удастся удержать Еву, — и этот взгляд превратил его подозрения в уверенность.

Но даже самому себе, а уж тем более Еве он не мог признаться, что сильнее всего уязвило то, что Гончаров выбрал Абелева, — именно Абелева благословил, и ответ этого благословения теплился и в застенчивой улыбке Абелева, и в доброжелательном взгляде его серых глаз, в осанке и наклоне головы с коротким мальчишеским ежиком светлых волос. Нет, Адамов не завидовал, он ревновал, ревновал тяжело, страшно, никогда раньше он не испытывал ничего подобного, тяжелая ненависть переполняла его и готова была выплеснуться в любой момент по любому поводу.

Они тогда получили Государственную премию, а у Адамова была срочная командировка, и все в отделе решили обмыть премию до его отъезда. На банкете после увиденного на веранде Адамов напился и... и то, что произошло дальше, он и сейчас не хотел вспоминать.

Ему долго не давали слова для тоста — привыкли, что он обычно отказывался и только, мягко улыбаясь, поднимал бокал и говорил: «Будем!». Но в этот раз, когда уже почти все высказались и невнятный благодушный гул висел над столом, он внезапно вскочил, покачнувшись, схватился за скатерть и, падая под грохот сыпавшихся на пол чашек, закричал: «Ну, и прекрасно, и пусть, устроились за чужими спинами, вы всегда так, а ты, ты, Абель, пока я сопки прочесываю, овечек стрижешь... стал лауреатом, и флаг тебе в руки, и значок этот гребаный можешь к заднице шефа прицепить, тогда хоть будет понятно, зачем ты ее так облизываешь...»

В зале повисла первозданная предгрозовая тишина, со стола упала хрустальная ваза с фруктами и взорвалась с грохотом гаубичного снаряда, и, словно взрывной волной, Адамова вынесло на улицу. Как добрался до дома, а потом до вокзала, как сел в поезд, он не помнил.

В партию он так и не приехал, работал лесорубом, сплавщиком, рыбаком на Камчатке, где вяленая рыба, спирт и безразличное стылое Охотское море подарили ему забвение.

В Москву Адамов вернулся только через три года, в пустой квартире на подоконниках лежал толстый слой пыли, на кухне у плинтусов — несколько мумифицированных тараканов, в почтовом ящике было единственное письмо, которое он, не распечатывая, скомкал и машинально засунул в карман куртки. Адамов

устроился грузчиком в мебельный магазин, Еву искать не пытался, в институт не зашел, ни с кем из прежних друзей не встречался. Однажды в магазине случайно лицом к лицу встретился с секретаршей Гончарова. Антонина Николаевна состарилась, похудела, но ее осанка и походка по-прежнему были безупречны. Она безразлично взглянула на него и уже почти прошла мимо, но вдруг остановилась, растерянно сняла очки, протерла, снова надела, в глазах ее Адамов прочел испуг, радость, недоумение, боль. Она пошатнулась, оттолкнула тележку, обняла его и расплакалась, а он стоял, как соляной столп.

— Господи, вы живы, живы, что же вы наделали? — всхлипывая, говорила Антонина Николаевна. — Мы же все думали, что вы погибли, куда только не писали. А Ева через три месяца уволилась и куда-то уехала, у Гончарова случился инсульт, он полгода назад умер, а Абелев... Господи, Серёжа... — Она хотела еще что-то сказать, но, посмотрев на Адамова, замолчала, повернулась и вышла из магазина.

Допив остатки водки, он заткнул бутылку пыжом и хотел выбросить, но какая-то странность привлекла его внимание; пыж, против обыкновения, был не из газеты, и тогда он вытащил его из бутылки, развернул и с недоумением прочел:

«Привет, Адам. Особых изменений в жизни нет. По-прежнему в Москве тяжелая влажная жара, которую я переношу хреново. По-прежнему много работаю и лишний раз убеждаюсь, что это хорошо. Во всяком случае, для меня нашлось какое-то приемлемое сочетание внешней загруженности и личного пространства. Когда я остаюсь один со своими мыслями и чувствами и не занят конкретными делами, это намного хуже.

Если письмо дойдет до тебя, возвращайся и постарайся не тянуть, у меня какая-то пакость с кровью, доктора говорят, что я подхватил ее в Киргизии на урановом месторождении, помнишь, вы с Евой усвистали в свадебную командировку в Берлин? Тогда на банкете я рассказал обо всем Гончарову, и мы решили, что тебя надо делать заведующим отделом немедленно. Адам, не дури, возвращайся, надолго меня не хватит, а наше общее дело жалко до соплей...»

Глядя на закатное солнце, Адамов наконец признался в том, что перевернуло его жизнь. В глубине души он всегда считал себя баловнем судьбы, потому и жил радостно и свободно, легко расставаясь с деньгами, женщинами, любыми знаками внимания. Он не задумывался о будущем, не сомневаясь, что так будет всегда, и не смог выдержать того двойного удара в банкетном зале: когда он собственными глазами увидел, что и Гончаров, и Ева пренебрегли им.

Солнце село, небо затянуло рыхлыми облаками, легкий майский дождь испещрил мелкими пузырьками зеркало пруда, прошелся по кустам и смешался с соленоватыми струйками воды, стекавшими по неподвижному лицу Адамова.